

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

Из стихотворений 1956—1968 годов

*Перевод с польского и послесловие Владимира Британишского **

Вот человек
кумир сотворенный людьми
когда от него отвернутся
останется кукла

говорят о нем Мудрый
каждое его слово
входит в пословицу

придельывают к его настоящему
прошлое яркое пышное
как хвост павлина
как задница павиана

ретушируют фотографии
монтируют фотомонтажи
уменьшают уши
подрисовывают усы и бороду
подкладывают ватные плечики
из человека среднего
делают
великого

подымают набитое чучело
на чужих плечах
и поверив в свое существование
оно начинает действовать

1956

* ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ — Западня (*Пьеса. Вступление Д. Затонского. Перевод с польского И. Щербаковой*). Из стихотворений 1956—1968 годов (*Перевод с польского и послесловие Владимира Британишского*) // *Иностранная литература*, 1989, № 3, 77–113.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Убегающий

Я читал книгу
это была книга
из жизни насекомых
«...личинка бронзовки убегая
переворачивается вверх брюхом
сама по собственной глупости
принимает позу
облегчающую мечнику нападение...»
Так убегают
личинка бронзовки

но я видал человека
убегавшего
пряча голову под крыло
и крича «да здоровствует»

этот же человек хотел
убежать от себя
но ему это не удалось
и он замкнулся в себе

однако торчали уши
которые тем временем выросли

он был обнаружен
и убегал еще дальше
его наконец поймали
связали руки и ноги
сунули в мешок

Но он убегал еще дальше
в мешке и кричал «да здоровствует»

1956

Посмертная реабилитация

Мертвые припоминают
наше равнодушие
мертвые припоминают
наше молчание
мертвые припоминают
наши слова

Мертвые видят наши губы
улыбающиеся от уха до уха
мертвые видят
наши трущиеся тела
мертвые слышат
чавканье наших ртов

Мертвые читают наши книги
слушают наши речи
произнесенные так давно
мертвые штудируют доклады
участвуют в дискуссиях
давно законченных
мертвые видят наши руки
готовые к аплодисментам

Мертвые видят стадионы
толпы скандирующие хором

все живые виновны
виновны малые дети
вручавшие букеты цветов
виновны влюбленные
виновны те кто

те кто убежали виновны
и те кто остались
те которые говорили да
те которые говорили нет
те которые не говорили ни слова

Мертвые пересчитывают живых
мертвые нас не реабилитируют

1956/57

Предостережение

Смотри он снова уверовал Это хорошо
он обнимает тело женщины
Он будет жить и плодить жизнь
Смотри он берет в руки орудие труда
Припоминает себе из чего
люди строили будущее
Это хорошо Он будет строить

Он идет полями
Различает вкусы и цвета
Припоминает себе смех
Это хорошо Не спугнуть бы

Столбы уставлены
хрусталем и фарфором
Каждая рука женщины
держущая розовый цветок
имеет пять пальцев

Все волосы на головах
пирующих сочтены
и ни один волос не упадет
без позволения власти

Розовый цветок загорается и гаснет

почему у женщин
по три черных ноги
и ни одной головы
где же палец
с золотым колечком

ковры густого дыма
сами себя пожирают
животные и деревья заволакиваются огнем
розовый цветок загорается и гаснет

живые и мертвые общаются друг с другом
летают в воздухе
и не могут найти себе места
на земле

(Из книги 1958 г.)

Живодеры

В Лодзи которая считается городом бесцветным и грязным я увидел вдруг на рассвете пронзительно ясную улицу. По канавам струилась голубая краска.

Вдоль улицы тянулась стена у стены стоял человек в поношенной куртке. За стеной валялись пустые бутылки из-под уксуса. Кости животных. Белые гипсовые головы.

Человек который стоял у стены знал о себе все меньше. Какую дорогу прошел где находится куда он идет кто он кем будет. Улица была длинная-длинная в самом ее конце светилась сейчас одна незабудка. Трамваи шли звеня по каменному лугу. Все было холодное человек хотел одного: согреться. В том и в другом конце улицы одновременно появились живодеры. Посреди улицы стал зеленый фургон с железной решеткой. Человек под забором затрясся ошестинившийся оскалил зубы и попробовал ускользнуть. Живодеры приближались к нему шаг за шагом. Шаг их был строевой парадный. Старая женщина проходившая мимо вскрикнула. Человек упал на четыре лапы и положил ей голову на колени.

Она гладила его морду теплой большой рукой и говорила: Это же мой сыночек.

Живодеры отдирали его от женщины. Ее левую руку запутавшуюся в его волосах оторвали и вместе с человеком бросили внутрь фургона.

Фургон поехал. По канавам вдоль лезвия улицы струилась красная краска.

1957

Кара

Уже сегодня
сию минуту
жизнь без веры это наказание
вещи становятся богами
тело становится богом

Это божество жестокое и слепое
поклоняющегося пожирает переваривает
извергает

(Из книги 1960 г.)

Детвора

Теперь подбегают дети
вручают цветов букеты

все вокруг улыбаются
детям все умиляются

этот человек с лисьей мордой
наклоняется к девочке
он берет ее на руки

не берет ли он ее в зубы
не перегрызет ли ей горло
подымает на руках ангелочка
на руках у него перчатки
высоко подымает малышку

не кровь ли течет из пасти
это сочится улыбка
диктатор любит детей
дети стоят на трибуне
как разноцветные куколки

почему же взрослые не как дети
взрослые это плохие дети
нужно наказывать взрослых
пусть стоят на коленках на горохе
переписывают сто раз в наказание
«Я мыслю значит я существую»

Солнце светит дождик льется
злая ведьма к нам крадется
жизнь как лужайка
по лужайке скачет черный министр
как зеленый кузнечик
шеф разведки пускает змея
шеф безопасности
с Ясем и Малгосей
плетет веночки
из незабудок

министр Геббельс
отравил своих деток
их не спросил хотят ли
умирать в бетонной норе

в травке тихо пищат поэты
дети молвят серьезно и грустно
вам забава дяди и тети
а нам жить на свете

(Из книги 1961 г.)

Патетическая поэма

Оплевали поэта
веками будут
утирать землю и звезды
веками будут утирать свои лица

Поэт живьем погребенный
подобен реке подземной
он в себе сохраняет
имена лица
надежду
отчизну

Поэт который оболган
слышит голоса
слышит собственный голос
озирается как человек
разбуженный среди ночи

Но ложь поэта
многоязыка
и колоссальна
как Вавилонская башня
чудовищна ложь поэта
и не умирает

1967

Диалог

На берегу
черного моря

я беседовал с русским поэтом
о поэзии о Гоголе
Шекспире
Сталине о страхе
ветер развеивал тут же
наши слова

солнце закатывалось
залило ало
кровью
воду воздух землю

Шекспир море
держал на своих плечах
груженные зерном корабли

Мы говорили о кризисе
лирики романа драмы

Шекспир оплодотворял Европу
хоронил мертвых
вел войны

Смеялся от уха до уха
спрашивал шутовски
по вкусу ль пришелся навоз
салат лавровый лист
посмеивался добродушно

Он нас держал на ладони
оставил нас на песке
и начал входить в море
открыв себе жилы

1966

Воскресение фильма

Памяти Сергея Эйзенштейна

«Эйзенштейн
потерял доверие товарищей
его считают дезертиром
он перерезал узы
связывающие с родиной»

промолвил Сталин
попыхивая трубкой

рабочую копию фильма
вывезли
в неизвестном направлении

негатив
уничтожили грунтовые воды
в подвале
киностудии музыка
растворилась в воздухе

Эйзенштейн
признал свою вину
выступил с самокритикой
осудил свое видение
форму
обещал исправиться

палачу картины
дали орден

герои этого повествования
повымерли
ушли в обитель теней

от волшебного фонаря
от чистой радости киноглаза
двигались к страху
к провокации
к смерти

Много лет спустя
нашли в квартире Покойного
жестяную банку
с тысячью отдельных ячеек

в 1967 году
фильм
был реабилитирован
неподвижный изуродованный
немой
начал свою посмертную
жизнь
на экране

1967—1968

Послесловие

Публикуемый цикл стихотворений Тадеуша Ружеви́ча, написанных им в 1956—1968 годах, но еще неизвестных русскому читателю, образовался сам собой из переводов, остававшихся неопубликованными и даже не предлагавшихся для печати. Неожиданно оказалось, что эти стихи, будучи расположены в хронологическом порядке, в порядке книг, складываются в цикл — цельный, законченный и самодостаточный. В то же время все эти стихи связаны многочисленными нитями и с остальной поэзией Ружеви́ча, и с его прозой, эссеистикой, драматургией. Вот почему соседство этих стихов с пьесой Ружеви́ча о Кафке, соседство, не запланированное заранее ни редакцией журнала, ни тем более мною, оказывается возможным и естественным.

Пьеса о Кафке — единственная биография среди пьес Ружеви́ча, но если взглянуть на все многожанровое творчество Ружеви́ча, то биография Кафки сразу же находит свое место в

большом ряду биографий поэтов (и прозаиков, живописцев, кинорежиссеров) в стихотворениях и поэмах Ружевича 60—80-х годов.

Ружевич пристально прослеживает взаимоотношения художника с властью, с государством, с обществом.

Стихотворение «Воскресение фильма» посвящено судьбе Эйзенштейна и его фильма. Фильм не назван Ружевичем, и это, конечно, не случайно. Многие киноленты Эйзенштейна — и не одного только Эйзенштейна — имели сложную или трагическую судьбу. Ружевич изображает обобщенную ситуацию осужденного и реабилитированного «посмертно» художественного произведения, причем монтирует в стихотворении два разных эпизода из творческой биографии Эйзенштейна. Еще недавно это стихотворение потребовало бы пространных комментариев, сейчас можно просто сослаться на последние публикации наших журналов и газет 1988 года. На статью Р. Трофимова «От «Мексики» до «Грозного»» («Родник», 1988, № 2), где приведен текст телеграммы Сталина Эптону Синклеру в ноябре 1931 года: «...Эйзенштейн теряет доверие своих товарищей в Советском Союзе. Его считают невозвращенцем, отщепенцем...» На предисловие того же Р. Трофимова к публикации «Грозные тени 1947 года» («Московские новости», 1988, № 32), где упоминается об уничтожении в 30-х годах фильма «Бежин луг». На статью О. Ковалева («Искусство кино», 1988, № 1) о «воскрешении» этого фильма Н. Клейманом и С. Юткевичем в 1967 году. Тогда же, по следам события, написал свое стихотворение Ружевич.

Художник — унижен и оплеван («признал свою вину выступил с самокритикой осудил свое видение форму обещал исправиться»). Но именно он занимает в стихотворении главное место. Сталину же дана одна реплика, портрет его обозначен одним деепричастным оборотом: «попыхивая трубкой».

Ружевича интересует художник, а не диктатор. Он знает, что материалом для создаваемого общими усилиями диктатора, для творимого людьми кумира может быть личность самая заурядная, никакая. Сама личность диктатора не интересна. («Он казался коммивояжером фирмы готового платья», — рассказывал один иностранец, видевший Гитлера в 20-х годах.) Но интересно, как, почему рождается их культ. Это интересно для всех, потому что касается всех, а не только поэтов и кинорежиссеров. Диктаторы уродуют и уничтожают не только фильмы и книги, унижают и убивают не только создателей фильмов и книг. Да, диктаторы (вспоминая известную фразу одного из них) «приходят и уходят», а «народ остается». Но что остается от народа? Лучшие люди

истреблены, и лучшее истреблено в людях. Опустошение в душах и деморализацию оставляет по себе диктатура.

Число стихотворений Ружеви́ча, посвященных теме диктатур, диктаторства, культ личности диктаторов, невелико, почти все они присутствуют в этой журнальной публикации, но без этих стихов нельзя понять и всего остального, что написал Ружеви́ч, нельзя понять его творческую биографию.

1939—1945 годы, гитлеровская оккупация Польши и почти всей Европы для тех, кто это видел, были апокалипсисом, «концом света». История «кончилась», культура, цивилизация, гуманизм, человек «кончились». Чтобы восстановить их в себе, нужно было время. «Восстановлением человека» называл Ружеви́ч свои послевоенные годы. Время приносило новый личный и исторический опыт. Были годы 1945—1948. Годы 1949—1954. И тот перелом в польской общественной, идеологической, литературной жизни, который датируется 1956 годом, но охватывает всю середину и вторую половину пятидесятых.

В 1945—1946 годах Ружеви́ч резко и бесповоротно ушел «от себя вчерашнего», от всех политических иллюзий, связанных с довоенной Польшей. Единственный из крупных польских поэтов он назвал события, происходившие в Польше, «польской революцией», а в одном из стихотворений 1946 года даже сетовал на то, что «эта революция ласкова как лебединая шея», что она недостаточно решительна в отношении «темновельможных панов». Ружеви́ч стал поэтом Народной Польши, поэтом польского народа. «Счастлив народ, который имеет своего поэта», — писал в 1948 году в стихотворном послании «Тадеушу Ружеви́чу, поэту» Чеслав Милош из Вашингтона, где он находился тогда на дипломатической работе.

Трудно пришлось Ружеви́чу в 1949 году, когда польскую культуру стали втискивать в прокрустово ложе догматизма, ломая и обрубая все «лишнее». Ружеви́ч не мог быть таким, каким хотели бы его видеть, не получалось. «Наряду с натурализмом, мы явственно наблюдаем у Ружеви́ча рецидивы экспрессионистической макабричности и сюрреалистического гротеска», — писал в 1951 году в газете «Нова культура», увы, не безымянный конъюнктурщик, а человек тоже талантливый, тоже участник Сопротивления в годы войны, не сумевший выстоять теперь, когда нужно было сопротивляться давлению сталинщины и ее доктрин. Ружеви́ч сопротивлялся упорнее других. Среди его стихов и поэм даже 1950—1952 годов удивительно много, для такого времени, удач. Что еще удивительнее, в его стихах тех лет есть известная внутренняя свобода. «Принуждение не возобладало над ним», — констатировал в 1956 году честнейший и умнейший

польский критик Казимеж Выка. Но без потерь, без деформаций, без — даже — элементов фальши не обошлось. И сам Ружевич судит себя строже, чем строгий Казимеж Выка.

«— Все аплодировали, — утешает старик-дядя героя пьесы Ружевича «Картотека» (1958—59).

— Что мне до всех? — отвечает тот. — Я о себе думаю. А я аплодировал... Я знаю, что многие аплодировали, но они уже забыли об этом...»

Ружевич, как и его герой, забыть об этом не может. «Мертвые нас не реабилитируют», — восклицает он в стихотворении 1956 года «Посмертная реабилитация». «Все живые виновны». Ведь именно все живые, то есть и мы тоже, из «человека среднего» делали и сделали «великого».

«В сущности говоря, я не был диктатором, — писал Муссолини за месяц до конца своей политической карьеры и жизни. — Моя власть идеально совпадала с желанием послушания со стороны итальянского народа». Ружевича интересует как раз это «желание послушания» со стороны народа (увы, не только итальянского), «эта потребность общности преклонения» (выражаясь словами Великого Инквизитора из поэмы Ивана Карамазова). Ружевича интересует, как, почему мы сами «набиваем» то «чучело», которое, поверив в свое существование, «начинает действовать».

«Набитое чучело» в стихотворении Ружевича «Вот человек...» не имеет портретных черт. Это стихотворение — о «диктаторе вообще», об «идоле вообще», стихотворение о «Мудром». «...Родном и любимом» — восстанавливается в нашей памяти вся триада эпитетов из нашей холопской песни, которую мы когда-то хором исполняли на уроках пения. Но имени, которым начинается строка этой песни, Ружевич не произносит.

Сюжет стихотворения Ружевича «Детвора» — «девочка с букетом» — любому советскому читателю моего поколения и старше неотвратимо навязывает фотографию Сталина на трибуне с первоклассницей какой-нибудь московской школы на руках. Но достаточно открыть книгу Кристофера Лидса «Италия под властью Муссолини» (Лондон, 1972), чтобы увидеть на фронтисписе фотографию Муссолини, наклоняющегося, чтобы поцеловать маленького мальчика, преподносящего ему букет. Вот почему «человек с лисьей мордой» в стихотворении Ружевича не имеет черт внешнего сходства ни со Сталиным, ни с Муссолини, ни с кем другим. Детвора. Дети и «добрый» диктатор. Дети и «добрый» шеф безопасности. Шеф безопасности «плетет веночки» с Ясем и Малгосей (из польской сказки, известной в Польше каждому

ребенку), но на месте Яся и Малгоси могут быть Иванушка и Аленушка или какие-нибудь Ганс и Грета того же возраста.

Обобщенность образа диктатора в стихах Ружеви́ча конца 50-х и начала 60-х годов — свидетельство того, что поэт пробует осмыслить диктатуры XX века в том общем, что можно в них усмотреть, при всех — несомненных и особенно важных для тех, кому приходится жить в условиях именно данной диктатуры, — «оттенках».

В польской литературной печати 1956—1957 годов слово «сталинизм» отнюдь не было табуированным, оно было одним из самых расхожих. Но Ружеви́ча не удовлетворяли, раздражали скоропалительные и поверхностные статьи и памфлеты, не содержавшие, как ему казалось, достаточно глубокого анализа ни самого феномена, ни его корней в социальной истории, в общественной психологии. Даже само словосочетание «культ личности», повально распространившееся тогда и у нас, и в Польше, Ружеви́ч в своей эссеистике ставит в кавычки. Но — пользуется этим выражением (например, в воспоминаниях о Тадеуше Боровском).

Стихотворение Ружеви́ча «Вот человек...», открывающее публикуемый сейчас цикл, впервые появилось в феврале 1957 года в краковском еженедельнике «Жиче литерацке». Я не раз перелистывал в библиотеках подшивки польских газет того времени. Помню и этот номер. Страницы полторы или две занимал там польский перевод большого фрагмента книги Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Но человек, монтировавший номер, понимал, сколь важное место в номере занимает маленькое стихотворение Ружеви́ча. Редактор (не знаю, главный или дежурный) поместил маленькое стихотворение в самом центре второй страницы, взяв его в рамку и вырезав для него место в массе текста чьей-то очень длинной статьи, переходившей на вторую страницу с первой.

Ружеви́ч — страстный читатель газет, по его признанию, он не может начать день, не перелистав две-три газеты, и только после этого садится работать. Он далек от снобистского высокомерия некоторых поэтов в отношении журналистики и газетчиков, хороших журналистов он очень ценит. Но сам он — не журналист. Его как поэта интересуют лишь большие волны времени. И стихи он пишет — долговременные. Однако бывают такие переломные моменты, когда стихи Ружеви́ча оказываются и злободневными тоже.

Мне кажется, что сейчас у нас такой момент и что Ружеви́ч этих стихов, Ружеви́ч, которого у нас еще не знают, окажется актуальным в контексте наших нынешних раздумий, разговоров, дискуссий.

Об авторах

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ (TADEUSZ RÓŻEWICZ; род. в 1921 г.) — польский поэт, прозаик, драматург, эссеист. Лауреат Государственных премий ПНР. Автор двадцати сборников стихов, нескольких книг прозы, пьес. Многие произведения Т. Ружеви́ча переведены в европейских странах и США. На русском изданы: сборник избранных стихов «Беспокойство» (М., 1963), «Избранное», куда вошли проза, поэмы, пьесы (М., 1979), «Стихотворения и поэмы» (М., 1985). В разные годы стихи и рассказы Т. Ружеви́ча печатала «Иностранная литература» (1956, № 8; 1967, № 2; 1969, № 7; 1978, № 5).

Перевод пьесы «Западня» сделан по изданию: Т. Różewicz. *“Pułarka”*. Warszawa, Czytelnik, 1982). Переводы стихов — по тексту двухтомного собрания стихотворений (*“Poezja”*, t. 1–2, Kraków, WL, 1988).

БРИТАНИШСКИЙ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ (род. в 1933 г.) — советский писатель, переводчик, полонист. Автор книг стихов, прозы, статей и очерков о польской литературе. За переводческую деятельность удостоен польской премии «ЗАИКС». В «Иностранной литературе» печатались его статьи и переводы из поэзии Я. Ивашкевича, Т. Ружеви́ча, З. Херберта, С. Е. Леца, Т. Боровского и др.